

ОТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПОПЫТКИ К НАРРАТИВНОМУ ПОВОРОТУ: ДВА ВЗГЛЯДА ВЫГОТСКОГО НА ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ

Л.А. Пергаменщик
Республика Беларусь, г. Минск, БГПУ
Leonpergam@g.mail.com

В своем выступлении я остановлюсь на двух Выготских. Один только начал признавать себя ученым и выступил как психолог искусства, другой уже подводил итог интенсивным научным поискам, основным достижением которого станет культурно-историческая теория (так назовут позже его вклад в психологию).

1. Л.С. Выготский еще перед тем, как поставил перед собой задачу создания марксистской психологии, написал ряд статей по психологии искусства, в которых сформулировал свое представление о человеке, о жизни и смерти, тем самым представил контуры возможной психологии.

Рассмотрим этюд (по выражению автора) «Трагедия о Гамлете, принце датском, У. Шекспира» [5]. Какое мировоззрение проговаривает Выготский в этой работе? Это мировоззрение трагического одиночества и его молитвенного преодоления. Будущий классик советской психологии пишет: «Мы оторваны от круга. Как когда-то оторвалась Земля. Скорбь – в этой вечной отъединенности, в самом «я», в том, что я не ты, не все вокруг меня, что все – и человек, и камень, и планеты – одиноки в великом безмолвии вечной ночи. И как мы ни назовем непосредственно ближайшую причину трагического состояния: роком или характером, мы придем все равно к истоку этого состояния: к бесконечной вечной отъединенности. И к тому, что каждый из нас бесконечно одинок» [5, с. 289].

«Вечная ночь одиночества» – вот основной мотив работы. Посмотрите тексты, написанные и в то время и чуть позже такими учеными, как П. Яковлев, Л. Бинсвангер, Ж.-П. Сартр, Р. Мэй и другими и вы увидите, что проблема одиночества наряду с проблемами жизни и смерти, свободы и ответственности, смысла и отчаяния входит в предмет экзистенциальной психологии.

Грузинский мудрец Шереф Макиадашвили 60 лет спустя, писал: «...человек редко с кем-то... он вечно одинок» [12, с.108]. Трагедия человека состоит в самом факте его существования и, как писал философ, «при всей проблематичности существования человека» ее, эту жизнь надо закончить. Но как?

Л.С. Выготский продолжает: «Трагедию надо закончить, надо восполнить в себе, в своем переживании ... Вся она уходит в смерть и молчание» [5, с. 291] (Выготский случайно оборонил слово «переживание»). Но поиск смысла жизни не в разделенности и скорби одиночества, а в воссоединенности, преодолевающей этот разрыв, таинство соединяющей два мира. Чем же восстанавливается единство?

«Молитвой, ибо там, где молитва (слияние), – пишет Выготский, – там трагического нет, там кончается трагедия» [5, с. 290]. Чем это за молитва, которая соединяет, которая ограждает наше Я от трагичности человеческого бытия? И почему таинству молитвы предшествует молчание?

Любой диалог, включая и терапевтический, состоит из слов и молчания (паузы). Молчание может означать, что возникли условия для появления контекста из двух текстов, из соприкосновения «Я» и «Ты». Пауза молчания дает место переживания. Запускается механизм страдания через переживания трагического.

Позже об этом писал М.М. Бахтин: «Второй предел (познание личности – Л. А.) – диалог, вопрошание, молитва. Здесь необходимо свободное самораскрытие личности. Критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения» [1, с. 429].

Таким образом, Л.С. Выготский для преодоления трагедии одиночества предлагает механизмы **молчания через диалог**.

Еще один аспект того раннего Выготского я бы хотел выделить. Это его обращение к проблеме страдания, к проблеме, которую современная психология не жалуется. Так, как будто она выполняет завещание М. Горького, который считал, что «Страдание позор мира и надобно его ненавидеть, для того чтобы истребить» (слова травмированной личности сказал бы кризисный психолог).

Статья Л.С. Выготского «Траурные строки (День 9 ава)» (1916) (необходимо признаться, что о существовании этой статьи я узнал из публикации Ф.Е. Василюка, за что ему признателен). В статье делается попытка дать ответ на вопрос, как надо относиться к проблеме страдания. Сам автор затрагивает более широкую проблему «Зачем нам нужен исторический траур». Здесь я повторяю мысль Ф.Е. Василюка: «Ответ, далеко выходящий по своему значению за пределы иудейской, религиозной традиции. [День 9 ава считается роковым в истории еврейского народа, так как именно в этот день дважды разрушался Храм]. Зачем беречь траур, зачем его лелеять веками, зачем эта вечная скорбь. Вопросы, вопросы. Ключевое слово во всех этих стенаниях – вечное. «Печалью превыше отмечена звезда моя» – подводит итог своих размышлений Л.С. Выготский. Да печаль, но в вышине, да звезда. Только через страдание человек может прикоснуться к вечному и к бессмертному, только через страдание он в состоянии преодолевать тревогу смерти и судьбы. Смысл страдания не в бегстве от него и не в мазохизме его болезненной ткани, он обретается при вознесении страдания, в молитве к богу в себе и в реализации себя в богу».

Вывод, который напрашивается из анализа первых статей Выготского. Предмет вошедшей психологии: **выразительное и говорящее бытие** или в терминах современной классификации экзистенциальной психологии. 2. На исходе своей интенсивной научной деятельности Выготский обратился к категории, которую можно рассматривать как эпизод, мало значащий для развития психологии вообще и той науки, за которую он взялся со всем пылом своей души «переживание».

Переживание, – писал он, – есть основная, ведущая единица для изменения личности и среды, так как «переживание и есть единица личности и среды, как оно представлено в развитии» [4, с. 382]. Перечислим признаки искомого понятия, как его понимал Выготский:

- через переживание мы можем представить единство личностных и средовых моментов;
- «Переживание надо понимать как внутреннее отношение ребенка к человеку к тому, или иному моменту действительности»;
- важнейшей характеристикой переживания является такой признак как интенциональность. Слова мастера: «Всякое переживание есть всегда переживание чего-нибудь. Нет переживания, которое не было бы переживанием чего-нибудь» [4, с. 382];
- переживание индивидуально так как «всякое переживание есть мое переживание» [4, с. 382];
- переживание имеет признак ситуативности, так как оно показывает, «чем данный момент среды является для личности» [4, с. 383].

Итак, Выготский выделяет основные признаки «переживания»: **индивидуальность, ситуативность, интенциональность**, что позволит рассматривать человека в **единстве личностных и средовых моментов** и свидетельствовать (судить) о характере **отношения человека к фрагменту действительности**.

Дав характеристику понятию «переживание», Выготский объявляет место, которое должно занять эта категория в психологии: **«действительной динамической единицей сознания, то есть полной, из которой складывается сознание, будет переживание»**.

Механизм переживания? Выготский не дает на этот вопрос обстоятельного ответа, он скорее намечает пути дальнейшего теоретического поиска. Любой анализ трудного ребенка показывает, что существенна не сама ситуация, взятая в ее абсолютных показателях, а то, как ребенок переживает эту ситуацию» [4, с. 383]. Далее Выготский делает предвзятый методический вывод: «Это обязывает к глубокому внутреннему анализу переживания ребенка, то есть к изучению среды, которое переносится в значительной степени внутрь самого ребенка, а не сводится к изучению внешней обстановки его жизни».

Анализ становится очень сложным, мы наталкиваемся здесь на *огромные теоретические трудности* (*курсив мой – Л.П.*)» [4, с. 383]. Провозгласив всю сложность теоретических трудностей, Выготский не объяснил, ни что это за трудности, ни почему они возникли, для какой психологии это является трудностью. Может он сам принял участие в создании этих методологических трудностей и ограничений? Методология психологии Выготского, которую он активно создавал, а его ученики подхватили и пропагандировали, не содержали в себе возможности для преодоления объявленных теоретических трудностей для изучения переживания. Тут мы можем продолжить список тем, которые в силу объективных методологических обстоятельств не стали предметом изучения отечественной психологии: переживание, смысл, жизненный мир. Как вполне справедливо и точно отметил Д.А. Леонтьев в предисловии к русскому изданию книги С. Квале «Исследовательское интервью»: «На протяжении почти всего XX века психология находилась под властью естественнонаучного позитивистского устремления «измерять все, что измеряется, научиться измерять все, что не измеряется» [11, с. 6]. Научиться измерять «переживание» не удалось и ему не нашлось места в психологии, которую создавал Выготский и его ученики.

Я нашел в текстах непосредственных последователей и учеников Л.С. Выготского две принципиальные попытки отреагировать на его призыв, обратить внимание на категорию «переживание».

Первая попытка относится к самому именитому ученику и соратнику Выготского, создателю теории деятельности А.Н. Леонтьеву. Надо сказать, что будущий создатель теории деятельности сразу обратил внимание, что его учитель (?) придает особое значение категории «переживание». (Напомню уважаемому читателю, что категорию переживания в такой интерпретации проговорил Выготский в 1933-1934 годах в своих лекциях). Уже в 1937 году А.Н. Леонтьев отреагировал на этот призыв изучать переживание. Вот что А.Н. Леонтьев тогда писал: «Введение Л.С. Выготским понятия переживания скорее *запутывает, чем решает* здесь вопрос, так как для того, чтобы раскрыть в психологии действительное единство человеческой деятельности, *нам нужно решительно отказаться от рассмотрения человека как субъекта переживания rarexcellence* (курсив мой – Л. П.). Переживание, будучи вариативным и произвольным фактом, как раз не определяется **прямо и непосредственно**, ни физиологическими свойствами субъекта, ни свойствами самого предмета переживания. То, как я переживаю данный предмет, в действительности определено содержанием моего отношения к этому предмету, или, точнее говоря, содержанием моей деятельности и снимается собственно физиологические закономерности. Следовательно, только рассматривая человека как субъекта деятельности, мы сможем раскрыть конкретное единство физиологического и психологического, «внутреннего» и «внешнего» в его личности» [8, с. 124]. Итак, позиции А.Н. Леонтьева предельно ясны: нужно решительно отказаться от категории переживания. То, что он на место переживания поставил категорию деятельности, из которой позже и выросла теория деятельности, мы обсуждать не будем, это выходит за рамки нашей статьи. В другом месте статьи А.Н. Леонтьев еще более заостряет вопрос об отношении этих двух категорий: «переживание» и «деятельности». «В ... диалектике взаимопереходов переживания и деятельности **ведущей** является деятельность. Значит, влияние внешней ситуации, как и вообще влияние среды, определяется всякий раз не самой средой и не субъектом, взятым в их абстрактном, внешнем отношении друг к другу, **но и не переживанием субъекта**, а именно содержанием его деятельности. В деятельности, а не в переживании осуществляется, следовательно, действительное единство субъекта и его действительности, личности и среды» [8, с. 123].

Вторая попытка. Автор послесловия к четвертому тому собрания сочинений, которое увидело свет в 1984 году, где помещены тексты Выготского, Д.Б. Эльконин подхватил идеи учителя. В послесловии он полностью соглашается с мыслью классика взять за единицу сознания – переживание. [13, с. 403]. Эльконин писал, что вопрос труден и требует «коренного изменения стратегии и методов исследования»:

1. «Необходимы длительные индивидуальные исследования отдельных детей» [13, с. 403]. Здесь речь идет о монографических исследованиях.
2. «Применяемая в обычных исследованиях стратегия срезов с последующей математической обработкой, при которой теряется особенности переходов от одного периода к другому, для изучения этой проблемы едва ли может быть пригодна» [13, с. 403].
3. В центре внимания будущего исследователя необходимо поместить «отдельного ребенка, а не абстрактную статистическую среднюю величину» – утверждает ученик мастера [13, с. 403].

Д.Б. Эльконин обратил внимание, что из современных психологов эта проблема разрабатывалась ученицей Л.С. Выготского – Лидией Митиничной Божович (1968)» [13, с. 403].

Итак, два предмета научной психологии в начале и в конце научной деятельности Выготского может быть объясняют возрождение внимания к классическому отечественной психологии со стороны как раз того направления в психологии, которому Выготский сказал в праве на дальнейшее существование. Р. Харре, Дж. Джерджен, Дж. Брунер и другие агенты (качественного) нарративного поворота в психологии на рубеже 80-х годов XX века наперебой цитировали и цитируют Л.С. Выготского, находя массу близких себе идей в его текстах. Может быть, чтобы тебя помнили надо, быть непоследовательным и даже внутренне противоречивым?

Литература

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М., 1968.
3. Брунер, Джером. Жизнь как нарратив / Д. Брунер // Постнеклассическая психология. – 2005. – № 1. – С. 9–30.
4. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.С. Выготский; под ред. Д.Б. Эльконина. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 1. – 342 с.
5. Выготский, Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский; под ред. М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1987. – 344 с.
6. Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика: сб. ст. / К.Дж. Джерджен; пер. с англ. А.М. Корбут; под общей ред. А.А. Полонникова. – Минск: БГУ, 2003.
7. Зинченко, В.П. Живое знание / В.П. Зинченко. – Самара, 1998.

8. Леонтьев, А.Н. Учение о среде в педологических работах Л.С. Выготского (критическое исследование) (1937) / А.Н. Леонтьев // *Вопр. психол.* – 1998. – № 1. – С. 108–124.
9. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев // *Избр. труды*: в 2 т. – М., 1983.
10. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.
11. Леонтьев, Д.А. Предисловие к русскому изданию / Д.А. Леонтьев // *Квале С. Исследовательское интервью.* – 2-е изд. – М.: Смысл, 2009. – 301 с.
12. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. – М., 1992.
13. Эльконин, Д.Б. Послесловие / Д.Б. Эльконин // *Выготский Л.С. Собрание сочинений*: в 6 т.; под ред. Д.Б. Элькони́на. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4 *Детская психология.* – С. 386–403.